

УДК 821.161.1(477)
Л68

Серия «Ретродетектив»
основана в 2018 году

Художник-оформитель
М. С. Мендор

Лобусова И. И.

Л68 Имя врага / Ирина Лобусова; худож.-оформитель
М. С. Мендор. — Харьков: Фолио, 2020. — 411 с. —
(Ретродетектив).

ISBN 978-966-03-8342-5 (Ретродетектив).

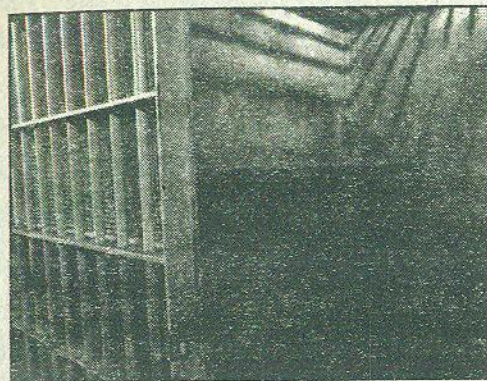
ISBN 978-966-03-9275-5.

Одесса, 1966 год. В парке находят труп неизвестного мужчины. Приехавший на вызов оперуполномоченный Емельянов быстро устанавливает, что это авторитетный, трижды судимый вор по кличке Паук. А через какое-то время обнаруживают повесившегося в своей квартире знаменитого скрипача Семена Лифшица... Проводя расследование, Емельянов неожиданно для себя попадает в глубокие оккультные дебри, сталкивается с неизвестной сатанинской организацией, а также с тем, что загадочные смерти вора Паука и гениального скрипача Лифшица тесно связаны между собой. И связь эта тянется с их детства...

УДК 821.161.1(477)

ISBN 978-966-03-8342-5
(Ретродетектив)
ISBN 978-966-03-9275-5

© И. И. Лобусова, 2020
© М. С. Мендор,
художественное оформление, 2020
© Издательство «Фолио»,
марка серии, 2018

ВСТУПЛЕНИЕ

*Полтава, 1941 год,
Крестовоздвиженский монастырь*

Когда его вывели в коридор, стянув руки за спиной веревкой вместо наручников, и велели стоять так, он прислонился лбом к ледяному бетону стены и буквально поплыл над этим полутемным, наклонным, словно спускавшимся в самую преисподнюю коридором.

Здесь был ад. И это было не пустое сочетание звуков и букв. Ад — именно такой, каким изображал его Данте Алигьери: множество раскаленных кругов, самым страшным из которых был последний круг. Круг предателей.

Думая об этом, он даже чуть улыбнулся ранами размазанных по лицу, окровавленных губ. Впрочем, саркастическая улыбка никогда не оставляла его губы. Теперь он в точности знал, что она означает, хотя прежде думал об этом не один раз, — печать ада.

Ад. Место Сатаны. Когда-то он бездумно бравировал такими словами. Смеялся, словно все это было пустой, элегантной игрой. Этаким дамский пасьянс с нечистой силой, в котором дьявол — смешной козлоногий рогач, в точности такой, каким изображают его доморощенные художники в маленьких сельских церквушках.

А проигравших либо выигравших здесь просто не существует, потому что главной ставкой в игре является время. И его время необходимо убить. И даже вырасти в глазах окружающих, если получится, на целую сатанинскую голову.

Как смешно... И как давно, как бесконечно давно все это было, словно в другой жизни! В другом веке, в другой вечности, с кем-то другим... И ничего общего между ними — между тем, кто так бравировал перед провинциальными барышнями, поражая их воображение разными приемами, словно дешевыми карточными фокусами, и тем, кто сейчас стоит, прилоняясь к бетону стены раскаленным лбом, улыбаясь прорезями уничтоженных губ, с руками, жестко, до крови, стянутыми за спиною обычной веревкой...

Сзади раздался громкий стук кованых сапог. Похоже, выстроился целый отряд. Теперь он отчетли-

во различал эти звуки. Даже сидя в полной темноте или с завязанными глазами, он мог определить численность этого отряда. Сколько было в караулке солдат, какое подразделение, судя по тому, как они печатали шаг, и даже их оружие по еле различимому бряцанью железа.

Для обычного человека в обыкновенных обстоятельствах эти звуки не сказали бы ничего. Но для него в них заключался целый мир — они напрямую были связаны с его жизнью и означали еще один день, пусть даже прожитый в боли и страхе. Но — прожитый.

Солдаты прогремели по каменным плитам двора и растворились в ночи. Похоже, сменился караул. Короткая, обрывистая команда на немецком. Скрип тяжелой двери и вслед за этим — резкий порыв свежего воздуха, необычный настолько, что в первый момент у него даже заболели ноздри, с такой силой он начал втягивать этот воздух в себя.

Шаги стали приближаться. А вслед за этим он ощутил болезненный удар в плечо и почувствовал, как в спину уткнулось дуло автомата.

— Быстро! Идти! — Резкий, каркающий голос, бросающий короткие слова на немецком, резанул его слух. Но в то же время подарил едва забрезжившую надежду — потому, что для него любая перемена обстановки означала перемену к лучшему. Даже если его собирались вести на расстрел и счет шел на последние его секунды на этой земле. Паники не было. Было странное безразличие.

Он пошел вперед, шатаясь из стороны в сторону, ступая с такой осторожностью, словно шел по битому стеклу. И действительно, каждый шаг причинял ему мучительную боль. Разбитые ноги распухли и кровоточили.

Никто не дал ему ботинок, да он и не смог бы их надеть — два больших пальца на обеих ногах представляли собой сплошную кровавую рану: из этих пальцев на допросе следователь вырывал ногти плоскогубцами. По его подсчетам, это было больше недели назад, но раны не закрылись, и при каждом его шаге на плитах подвала оставался кровавый след, а сам шаг причинял просто несусветные муки.

— Быстрее! Пошел! — Сильный удар в спину толкнул его вперед, и он едва не упал прямо на пол, лицом вниз. Однако тот же ударивший солдат, резко схватив за плечо, удержал его на ногах, позволяя сохранить равновесие.

Перед железной решеткой, преграждающей путь вперед, его снова развернули к стене лицом. Однако в этот раз все пошло гораздо быстрее, и уже через несколько минут он ступил на плиты двора, преодолев несколько ведущих к выходу ступенек.

Во дворе лежал снег. Однако он совсем не почувствовал холода. То, что он вышел из этого подвала, было равносильно чуду! И он сам несколько дней назад уже оставил надежду на это чудо, когда участились допросы, а по лицу следователя гестапо он ясно читал, какая участь ему предназначена.

И вдруг он вышел во двор, вдохнув свежий воздух с такой мучительной жадностью, что у него заболела грудь. А на глазах, впервые за все время жестоких допросов, неожиданно выступили слезы.

А ведь еще несколько часов назад он лежал на каменном полу камеры, стараясь погрузиться в черную плоскость того забвения, где нет ни времени, ни боли, ничего, кроме облегчения настоящего умирания, пытаясь вызвать к себе смерть и страшно ненавидя ее за то, что она обходит его стороной.

Из разбитых губ при каждом вздохе на камни пола сочились тонкие струйки крови. Дышать носом он не мог — нос был сломан еще на одном из первых допросов, после множества ударов в лицо, от которых он впал в состояние, похожее на кому. Впрочем, к его несчастью, это состояние длилось не долго.

А вот воспоминание, растянутое во времени, осталось в нем навсегда — огромный волосатый кулак со стертymi костяшками пальцев, который, приближаясь, словно на замедленной пленке, бьет его в лицо. И это воспоминание, навсегда проникшее в память, обречено быть его неизбежным ночным кошмаром — до полного окончания его жизни.

Он лежал на полу и мечтал, чтобы окончание этой жизни наступило скоро, и смерть пришла как можно быстрее, но она обманывала его, не приходила, и разочарование от этого усиливало боль от побоев.

Но страшней побоев, от которых все его тело стало одной сплошной раной, вздувшимся, крова-

во-красным, иссиня-фиолетовым синяком, была одна навязчивая мысль о том, что он умирает ни за что, умирает, по какой-то глупости попав в непонятное, странное стечение обстоятельств.

Следователь постоянно называл его красным, ничего не зная о нем, не понимая, что всю свою жизнь он люто ненавидел большевиков, не имел никакого отношения ни к Красной армии, ни к советским организациям и тем более — к партии. Что красный цвет был для него таким же раздражающим фактором, как красная тряпка для быка, с той только разницей, что бык ненавидел инстинктами, а он всегда действовал расчетливо, подключая то ненависть, то холодный разум, — в зависимости от того, чего хотел достичь.

Неизменным оставалось одно — четкое понимание абсурдности красной идеи. Той идеи, ради которой сейчас его по глупости, по незнанию обрекают на смерть...

Но смерть не пришла. Вместо этого он вышел во двор, наслаждаясь такими странными ощущениями от этой внезапной смены декораций, пусть даже — на пути к той самой долгожданной смерти...

Двор был освещен несколькими прожекторами, укрепленными на заборе. Их яркий, раскаленный свет делал снег растопленным, желтым, почти текучим, как жидкость. Холода он вообще не ощущал. Тело его было словно отключено, несмотря на то что из одежды на нем была только рваная солдат-

ская гимнастерка да армейские штаны — на размер больше, потому они болтались на нем и стояли торчком в тех местах, где были щедро смочены кровью.

Он остановился посередине двора — так, как велел ему солдат, и вскинул голову в темное небо, на котором не было ни одной звезды. Казалось, что даже они бежали из этого страшного места.

Потом он услышал собачий лай — как всегда, переходящий в надсадный, протяжный вой. Когда-то в детстве его бабушка говорила, что так псы воют на покойника.

Здесь было много собак. Их держали не только как охранников, но и использовали для допросов. Он сам слышал рассказы о том, как человека запирали в одну камеру с псами. С голодными псами... С тех пор он возненавидел оскаленные собачьи морды.

Эти псы отчетливо чувствовали человеческий страх, а здесь все было пропитано страхом, он буквально покрывал землю плотным покрывалом поверх снега и застревал в каменной кладке стен. Лица немецких солдат были вымазаны им, словно краской. А на лицах заключенных страх выжигал каленое клеймо обреченности, которое не могла стереть даже смерть. И человек, отмеченный им, был обречен носить его пламенеющий на лбу знак, в точности такой, какой был и на его лице.

Оттого, что страха было так много, псы не лаяли — они выли, истязая барабанные перепонки всех, кто попал в этот чудовищный круг. И этот вой был

пострашней любого яростного лая. Кто же в эту ночь станет покойником? Может, он сам?

Вздрыгнув от этой мысли, он увидел, что в центре двора стоит большой крытый грузовик, а кроме него во дворе находятся еще несколько заключенных.

Через какую-то минуту очередной удар в спину направил его в сторону этого грузовика. Затем емускомандовали забраться в кузов. С трудом, без помощи рук, он подчинился.

Внутри под брезентом уже было несколько заключенных и конвой — гестаповцы с автоматами. Его толкнули на свободное место на деревянной скамье, и он стал садиться, стараясь делать как можно меньше движений, чтобы не растревожить избитое тело. Однако это ему не удалось — когда он коснулся спиной брезента, почувствовал такую боль, что едва не потерял сознание. Закусив разбитую губу, он почувствовал, как его рот наполнился солоноватой, свежей кровью. Он стал глотать ее, как целительный эликсир, и тем, как ни странно, сумел сохранить сознание.

— Куда нас везут, знаешь? — вдруг услышал он хриплый шепот сидящего рядом с ним заключенного. Он не успел ничего ответить — один из конвоиров изо всей силы ударил спрашивавшего в лицо. Голова того откинулась, несчастный повалился на пол машины. Ударом приклада гестаповец вернул его на место и заорал:

— Всем молчать! Не разговаривать!

После этой показательной экзекуции никто больше не издал ни единого звука. Минут через десять взревел двигатель, и грузовик двинулся вперед, рыча и раскачиваясь. В кузове запахло бензином.

Внутри было довольно просторно. Всего здесь находилось — он посчитал — 14 человек: десять заключенных вместе с ним и четыре вооруженных гестаповца — охрана. Заключенные, как и он, были связаны. Он узнал двух поляков, вместе с которыми сидел в камере, и обменялся с ними тревожными взглядами. Судя по этим взглядам, поляки также ничего не знали о том, куда их везут.

Ехали не долго. Один раз его потянуло в сон, но он тут же прогнал его усилием воли, закусив губу, которая резкой лавиной боли обожгла его мозг, оставив в состоянии бодрствования.

Наконец грузовик остановился, и охранники стали по одному выталкивать заключенных наружу. Когда подошла его очередь, он не поверил своим глазам.

Перед ним возвышались стены монастыря. Он увидел большие позолоченные кресты на фоне расцветного неба. Белые, величественные стены, уходящие далеко, в рассветный туман. При виде крестов его охватило щемящее чувство какой-то непонятной тоски. Он не был религиозен, его идолами были совсем другие идеалы, отличные от христианских, однако эти стены монастыря вдруг охватили его душу какой-то странной истомой, непонятным чувством, от которого тоска и надежда, слившись воедино,